

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

АННА
ДРАНИЦЫНА

ВЕЩЬ

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Драницына, Анна.

Д72 Вещь / Анна Драницына. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Интеллектуальный триллер).

ISBN 978-5-699-99002-3

Неумная алчность, вещизм и бездуховность людей становятся причиной всемирного экономического коллапса, и Земля погружается в нищету и бесправие. Повсюду царят порядки и нравы фашистских концлагерей. Сирота Арина за нищенский паек работает в государственном архиве Петербурга, где переписывает уцелевшие фильмы и аудиозаписи в текст. Однажды к ней приходит странный старичок и просит ее тайно расшифровать несколько старых аудиокассет. На них сохранились откровения давно умершей пациентки психиатрической больницы. Посетитель объясняет Арине, что в этих записях — ключ к спасению человечества. Арина начинает прослушивать кассету за кассетой, и ей открывается жуткая картина захвата людей эйдосами — душами вещей. Но чтобы найти ключ к спасению, девушке сначала предстоит пройти семь кругов ада...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99002-3

© Драницына А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кассета 1

— Кассета номер один, 15 сентября, 2010 год. Несси. Тебе удобно? Подвинуть кресло ближе к столу?

— Нет, спасибо. Так хорошо.

— Попробуем начать (мужчина шелестит страницами блокнота). Хочешь, я буду задавать вопросы, либо ты сама рассказывай...

— Курить тут можно?

— Дыми сколько душе угодно. А я завистливо подышу. Бросил год назад, поклялся на Библии.

— Неплохие условия для сумасшедшей.

— Несси, давай договоримся на берегу. Никто не считает тебя сумасшедшей. Окружающие воспринимают твою выходку как этакий эпатаж, вызов нашему материальному обществу. Скажу тебе по секрету: твои друзья уже потратили кучу денег, чтобы откупиться от тех, кого ты обокрала. И если бы ты с самого начала подтвердила теорию «личного бунта», то загорала бы сейчас где-нибудь на Мальдивах. А так мы боимся рецидива. Говорю тебе честно — никто не знает, что дальше взбредет тебе в голову. Даже ты сама. Поэтому придется провести в клинике несколько дней. Я буду постоянно рядом. Принес вот пижаму, чтобы ночевать в соседнем кабинете.

— Ты, доктор, самый обычный человек, поэтому не понимаешь, во что ввязался. Мальдивы-рецидивы.

Я бы на твоём месте бегом бежала отсюда. Пока не поздно. Они все равно вытащат меня — не помогут ни железные двери, ни решетки на окнах. А когда Марат узнает, что я пропала, он убьёт тебя.

Женщина молча курит, неподвижно глядя в точку перед собой. Доктор откашливается.

— Я немного поиграю в следователя. Начнем еще раз. Ты украла в гостях наручные часы, чтобы привлечь к себе внимание? Так?

— Типа того. Однако боюсь, что объяснять все это слишком долго и скучно.

— Ясно. Ты не доверяешь мне. Я бы и сам не доверился человеку с небритой рожой. Но твой муж вытащил меня из постели. Я еле зубы успел почистить. Сказал, что тут вопрос жизни и смерти.

— Врет. Исключительно вопрос смерти.

— И все-таки. Мне хотелось бы услышать от тебя подробную историю произошедшего, чтобы составить себе хотя бы приблизительную картину твоего заболевания, нервного срыва, психоза... Назови это как хочешь. Пока что мы блуждаем в темном лесу твоего подсознания со свечкой в руках. И, увы, Неша, мы не выйдем из него до тех пор, пока ты не расскажешь мне все в мельчайших подробностях. Не важно, сколько это займет времени. Я готов ждать ближайшие сто пятьдесят лет.

— Ты, может, и готов, но не Марат. Его время заканчивается, и он очень, очень торопится. — Женщина делает глубокий вдох. — Ок. Пиши — пациентка намеренно украла часы. Но не для того, чтобы получить вещь в собственность, а для того, чтобы оказаться тут, в палате с зарешеченными окнами и воняющим хлоркой туалетом.

— Уже интересно. Зачем тебе это понадобилось?

— Я хочу прекратить свой путь. Пришло время остановиться. Необходимо, чтобы ты понял, что кража

дурацких часов не была экстремальной выходкой в духе Вайноны Райдер. Ей предшествовала странная и страшная жизнь в мире вещей. В мире, который отобрал у меня все. И если у тебя действительно есть время, то перед уходом я расскажу эту историю от начала и до конца. Внимай же каждому слову, чтобы передать потом эти записи Марату. Это последнее, что ему надо от меня. В ином случае мое самое лучшее фото давно бы красовалось на кладбищенском монументе. Марат даже показывал эскизы — все в мраморе, а сверху сидит белый лев.

— Лев? Почему не ангел?

— Это его тотемное животное. Его и прочих богатеньких идиотов, которые мечтают о такой могиле всю жизнь. Но тебе она не светит.

— Почему?

— Ты бесхребетный. Ни рыба ни мясо.

— В смысле?

— Топчешься на границе между принципами, как безработный на коврике будущего начальника. Из тех, кто всегда завидуют подлецам, но сами стать подлецами не могут. Кишка тонка. И мамино хорошее воспитание мешает. Поэтому ты, прикрываясь мнимой добродетелью, трешься около таких монстров, как Марат. Это твоя жена?

(Пациентка берет со стола фотографию в рамке.)

— Да.

— Красивая. Но она скоро бросит тебя. Именно потому, что ты — унылый слизень. С утра до ночи она станет выедать твой спинной мозг. Точить его маленькими остренькими зубками, как куница. Кричать о том, что выходила замуж «за подающего надежды». Посмотри же кругом, милый! Все богатые мучаются совестью, а в церковь не ходят — страшно. Боженька за такие дела по головке не погладит. А психиатр за денежки погладит тебя везде, где только пожелаешь. В самых труднодо-

ступных местах. И вот теперь ты дошел до того, что трясешься, как облезлая болонка, перед Маратом. Потому что твоя жена этого хочет. Она и эйдосы.

— Жестко. Положи, пожалуйста, фото на место.
(Доктор пьет воду, переставляет камеру.)

— Так что с кражами? Это такая игра, насколько я понял?

— В смысле?

— Я говорю об играх, которые будоражат сексуальную фантазию. Например, в фильме «Автокатастрофа» герои любили заниматься сексом после аварии. И специально создавали для этого на дороге катастрофы. У вас не так?

— Нет, секс в моей истории идет как побочное явление. Как способ поделиться энергией вещей, если она переполняет тебя. Но такие вещи редко попадают, чтобы хотелось делиться ими. И потом, чем больше поглощаешь, тем ненасытнее становишься. А чем ненасытнее, тем жаднее. Так что делить мне с Маратом особо было нечего. Хотя вещей мы сожрали вместе и по отдельности — мама не горюй. Можешь сразу помечать себе, что эти часы, кража которых так взбудоражила общественность, были уже тысячными в длинном списке моих (или чужих?) вещей. Я давно перестала их считать.

— Уверен, ты вспомнишь самые первые.

— О да, пожалуй. Это как первые десять мужчин. Они запоминаются довольно ярко, тогда как остальные смешиваются в общем потоке слов, алкоголя и голых тел. Но что ты хочешь услышать конкретно?

— Вспомни, с чего все началось? Вспомни себя в тот момент. Что ты делала, о чем думала, какое время года было...

(Женщина задумчиво курит, потом гасит сигарету и закуривает еще одну.)

— Давай вытащим из тебя файл под названием «первая кража». Сядь спокойно, облокотись и вспоминай. Какой это был день недели?

— Кажется, среда... Я всегда по средам сдаю отчеты в банке.

— Какая была погода, что ты делала в тот день, о чем думала? Закрой глаза и перенеси себя туда.

— Погода в тот день выдалась на редкость ужасная. Над бедными горожанами с утра до ночи кружили бешеные бури, а диктор по радио не уставал талдычить про «штормовое предупреждение, опасное для жизни». Я помню, что была у себя дома, еще в старой квартире на седьмом этаже, и смотрела из окна на то, как с крыши срываются и с диким грохотом падают вниз пласты железа. Я думала о том, что будет, если я выйду на улицу. В такой ситуации, говорят, надо расслабиться и позволить ветру подхватить тело, чтобы в свободном полете пронестись над землей. Тогда ничего страшного с тобой не случится. Знаешь, это как катание на волнах. Ты любишь волны? Кто-то расслабляется, и волны качают его вверх-вниз, словно в колыбели, а другой купальщик орет от страха, как резаный петух, и волны обдирают его до крови лицом о колючую гальку. Я помню, как решила начать свой полет с детской горки. Она стоит у нас во дворе, в самом центре небольшого колодца из сталинских домов. Старая советская горка с деревянной крышей, этакий большой скворечник для детей. На ней давно уже никто не катается, отовсюду торчат ржавые гвозди, а нижняя часть сгнила и выпирает угрожающим ржавым остовом. В основном там проводят время подростки, дымящие дешевыми сигаретами, или местные алкаши. Но в тот день никого из них и близко не было. Ветер крушил все подряд, и попадаться ему на пути было небезопасно. Как только я заберусь на крышу облезлого деревянного домика, ураган подхватит меня как пушинку и унесет на небо.

А затем, покружив в диком танце с грозами и дождями, вернет на землю. Новую. В ином качестве и состоянии. По крайней мере уж точно без раздробленного на миллион кусочков сердца.

— Ты хотела умереть?

— Умереть? Ну уж нет. Мне нужно было встряхнуться. Сбросить старую кожу. Я была уверена, что, случись со мной что-то необыкновенное, я бы начала новую жизнь, прекратила бы эту безумную гонку за деньгами и навсегда забыла бы паскуду Корецкого. Была вот такая дурочка по имени Несси и однажды исчезла, улетела с птицами в теплые страны.

— Несси — это прозвище? Мне очень нравится.

— Полное имя Агнесса. Но я ненавижу его, пьяный бред моего папаши-поэта.

— Марат сказал, ты выросла в деревне? Расскажи про свою семью.

— Доктор Фрейд пытается найти комплексы, зарытые в детстве. Ничего не выйдет. Я была там вполне счастлива. Воспитана, как и многие, в нищете и строгости советского времени.

— Давно грызешь ногти?

— Мне в начальной школе иногда по утрам мама мазала пальцы йодом, чтобы я их не обгрызала на контрольных работах. Все бесполезно. Особенно в сложные минуты жизни. Конечно, я стараюсь делать это как можно реже, чтобы не портить пальцы, но сейчас надо столько всего вспомнить, что я не удержалась. Прости.

— Можешь сгрызть хоть весь маникюр сразу, меня это не смутит. А кто были твои родители?

— Мама приехала из Таганрога и поступила в Питере на иняз. Работала переводчиком, обожала литературу. А папа был непризнанный гений, поэт. Они познакомились на каком-то зачуханном слете поэтов и писателей. Когда я родилась, они жили за городом. Папу наняли сторожить там чью-то дачу, поэтому он целыми

днями ничего не делал, писал свои стишата. Нищета была страшная, как сейчас помню. Бутылка молока на весь день — вот и все мое пропитание. А бедная мамочка моталась каждый день в город в стильной электричке, работала в школе и брала частных учеников, чтобы хоть как-то прокормить нас. Потом им дали комнату в общежитии, но папашка вскоре ушел к другой музе. Мать к тому времени уже изрядно поистерпалась и остервенела. Она ненавидела мир, который загнал ее в такую жизнь. Ненавидела и меня заодно, потому что я была дополнительной обузой и ответственностью. А мать была гиперответственным человеком. Я заметила одну любопытную вещь. Когда женщину насильно ставят впереди паровоза и заставляют толкать весь состав в одиночку, она превращается в такой мощный локомотив, который потом черта с два остановишь. Но при этом внутри у нее сгорает что-то очень важное. Я бы даже сказала, жизненно необходимое для счастья. Папашка спился и умер. А маман резко пошла по партийной и социальной лестнице вверх, стала заведующей кафедрой английского языка в университете. А потом дослужилась и до ректора. Я там даже училась пару лет, а потом перешла в другой институт, чтобы не позориться. Студенты ее боялись, как огня. Они замирали в коридоре, словно сурикаты, когда мать королевской походкой шла мимо, неся на голове свой царственный, тщательно залаченный кок. Она умерла от рака 10 лет назад. Мы почти не общались последние годы, она была уверена, что я занимаюсь ерундой. Ее раздражала моя молодость и красота, богатые мужчины вокруг. Она говорила, что вырастила куртизанку. Мама не понимала законов современного мира. Возможно, она и правда хотела, чтобы моя жизнь была легче, чем ее, чтобы я вышла замуж за достойного человека, родила кучу ребятишек и ни в чем не нуждалась. Мне же хотелось одного — скрутить этот мужской мир в бараний рог.

— Но мужской мир, судя по всему, оказался крепок?

— Крепкий мужской мир? Не смей меня. Все настоящие мужики погибли в Великую Отечественную войну или сгнили в лагерях. А то, что мы имеем теперь, — это чахлые потомки тех, кто отсиделся в кустах и тылах. Внуки и правнуки тех, кто предал и поэтому выжил. А женщины в войну превратились, как моя мать, в локомотивы и на своих плечах вытащили мир из говна. Теперь это суровый женский мир, товарищ доктор. Смирись с этим и слушайся дальше свою жену.

Лохнесское чудовище — так называли меня конкуренты, которых я всегда обходила на повороте, не гнушаясь никакими средствами. В делах мне было неведомо чувство страха или стыда, во имя бизнеса мне ничего не стоило переспать с кем нужно или перекупить ценных работников. Секс был для меня вполне привычным способом продвижения по социальной лестнице и нисколько не мешал моему чувству внутреннего комфорта. Попросту говоря, зачастую это было такой же необходимой рабочей рутиной, как подписание нужных бумаг или подсовывание умело замаскированной взятки нужной персоне. Я любила близких людей и железным тесаком отсекала далеких. И если бы Корецкий — мерзкий червяк, не надкусил мое сердце, а потом не выкинул бы его столь безжалостно из нашего райского садика, я бы до сих пор уверенно перла вперед, не задумываясь о нюансах бытия. Но кровь под длинными ногтями впиталась в кожу, а оттуда — в мозг, и я заразилась неуверенностью этого вологодского прохиндея.

— То есть железная леди задумалась о смерти? Тогда, в ураган.

— Смерть смерти рознь. Я прекрасно понимала, что меня ждет, если я попрусь в такую непогоду на улицу. Один порыв ветра, и хрясь — как козявку меня раздавит гигантский билборд с тупой рекламой пылесоса

«Филипс» «Сосу за копейки». А фото моих ног, торчащих из-под него, как куриные лапы из кастрюльки с супом, обойдет весь мир. Похожая история случилась с моим другом М. Однажды он почил с миром, пробив головой бачок собственного унитаза.

— Какой ужас. Как это произошло?

— Это случилось еще до того, как со мной стали происходить странные вещи. Один раз с утра я прочитала в Интернете некролог: некогда хорошо известный в деловых кругах предприниматель М. во время налетевшего с Балтики урагана умер в собственной загородной вилле, сидя на унитазае. И хотя название «вилла» — итальянское и звучит довольно помпезно для наших широт, сделана она была, так или иначе, в России. Типичное *made in Russia*. Сделано из дешевых материалов, выпилено голодными и измученными гастарбайтерами. Я хорошо знала беднягу М. Я и мой приятель архитектор Виктор искренне отговаривали его от идиотской фантазии строить дом зимой. Дело в том, что стройка предпринимателя М. была осуществлена в буквальном смысле на костях. В один из январских дней, когда стояла та самая лютая зима, от которой французыдохнут как мухи, а дети в России всего лишь не ходят в школу, молодая белокурая любовница поселила в его лысой башке мысль о том, что «Пупсику необходимо жить на природе». Решив сэкономить на материалах, которые зимой дешевле, М. развернул за городом стройку века. У каких-то чиновников, давно и успешно моющих лапу на продаже земли в Ленобласти, он выкупил огромную территорию заброшенного пионерского лагеря на берегу озера и решил возвести там собственный мини-рай. Райчик, как он сам его называл, для богача средней руки. В райчике обязательно должно было быть два бассейна и конюшня. Четыре этажа и окна с резными ставнями. И хотя ставни давно уже не в моде, на М. они до сих пор навевали

воспоминания детства. Дело в том, что когда он был маленький, то каждое лето отдыхал с родителями на даче на Финском заливе. Незадолго до перестройки дачу у папы, некогда крутого партработника, отобрали. Но резные ставни с пробивающимся по утрам сквозь них солнечным светом, который танцевал на ситцевой простыне, прыгал по руке, играл на полу, медленно заполняя на печь-буржуйку, запомнились М. навсегда. Ради того, чтобы вернуть то ощущение детского счастья и покоя, которое с возрастом становится абсолютно недостижимо для суетливых обитателей мегаполиса, он был готов на все. Каждое утро его прораб приезжал на вокзал, закидывал в крытый дырявым брезентом грузовик скрюченных от холода жителей солнечного Казахстана, Узбекистана и Киргизстана и вез их строить «мечту предпринимателя». Время от времени бизнесмен и сам навевался на стройку. Глядя сквозь заиндевевшее стекло строительного вагончика на то, как от дикого мороза лица рабочих покрываются красной коркой, М. вместе с прорабом выпивал бутылочку «за сбыт мечт». Затем он смачно и с хрустом закусывал водку соленым огурцом, положенным в специальный пластиковый контейнер заботливым Пупсиком, и строго отдавал последние указания по поводу «обязательных полов с подогревом и чтобы «без на.ба». В разогретой работягами «Хонде» довольный собой М. мчался по трассе домой, к Пупсику под пуховое одеяло. Когда кто-то из рабочих умирал прямо на стройке от воспаления легких, прораб, недолго думая, закатывал тело в бетон. Все равно никто искать не будет. Эти странные приезжие с испуганными черными глазами были пришельцами из космоса, людьми-призраками. Никто не знал ни их имен, ни места жительства. Пришли из ниоткуда, ушли в никуда. Чужие, грязные и печальные, как инопланетяне, потерпевшие крушение на Земле, они были вынуждены отныне жить в вечном рабстве у гнусного

человека. Один раз М. прислал своих черных рабов ко мне, чтобы они помогли моей фирме переехать в новый офис. Когда они таскали офисные шкафы, я спросила, как их зовут, но имена, больше похожие на отдельные гортанные звуки, тут же вылетели из головы. Запомнились только согнутые, словно в постоянном ожидании удара, жилистые шеи и грязно-черные затравленные глаза. Я дала им хорошие чаевые, и они, пятясь к двери задом из уважения ко мне, долго бормотали что-то на своем иноземном языке.

(В комнату заходит медсестра: «Я не помешаю вам?» Доктор: «Нет-нет, пожалуйста». Та протягивает женщине таблетки. Она берет их, глотает, запивая стаканом воды.)

— Рассказывай дальше. Что было потом?

— Вскоре М. позвал нас на новоселье. Незадолго до моей свадьбы, ранней весной, мы поехали с Корецким к нему в гости. Русская вилла удалась на славу — настоящий замок, окруженный глубоким рвом и кирпичным забором с колючей проволокой наверху. Внутри было очень уютно, но у меня после первого же бокала шампанского страшно разболелась голова. Как обычно, хозяин, потратив огромные деньги на все это великолепие вокруг, на шампанском решил сэкономить. Вместо приличных напитков он закупил несколько ящиков дешевой бурды, которая теперь острыми гвоздями брэнчала в моей мозговой коробке. Музыка в зале вмиг стала казаться невероятно громкой, и я пошла в глубь коридора, где было тихо и прохладно. Полутемные канделябры выхватывали из темноты причудливо изогнувшиеся оленины рога, которые служили теперь вешалкой для одежды. Головная боль пульсировала в такт моим шагам, и я, чтобы немного облегчить муки мигрени и остудить лоб, облокотилась на стену и прижалась лбом к прохладным обоям, увитыми золотыми цветами.